

ЗОЛОТАЯ УНЦИЯ

ВЛАДИМИР СЕМЁНОВ

18+

Владимир Семёнов

Золотая уncia

<https://litres.ru/74311608>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты — никто. Беспризорник с городской свалки, чей зуб выбили в драке за объедки. Но когда ты находишь среди медицинских отходов странный золотой зуб и вставляешь его вместо выбитого, твоя жизнь перестаёт быть только борьбой за выживание. Вместе с чужим зубом в тебя вселяется она — Эвелин Кросс, гениальный манипулятор, погибшая при загадочных обстоятельствах сорок лет назад. Она обещает тебе власть, учит превращать врагов в пешек, а страх — в валюту. Ты поднимаешься с самого низа. Но золото холодит десну не просто так. Ты перестаёшь чувствовать боль, страх, а затем и радость. И только когда на горизонте появится её бывший протеже, ты поймёшь: этот зуб ждал тебя не случайно. И за всё придётся платить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Семёнов

Золотая уncia

Глава 1

Дождь за окном висел, гонимый ветром почти горизонтально. Капли разбивались о стекло сорок четвертого этажа беззвучно, как помехи на экране. Эвелин ничего не слышала: ни вентиляции, ни шагов секретарши, ни собственного дыхания. Мир снаружи оставался только картинкой.

Минуту назад она машинально открыла ящик стола и нагнулась на старую фотографию. Ей тридцать. Она стоит рядом с мальчишкой из трущоб, которому дала первый шанс. Глаза голодные, а у него испуганные и преданные. Она перевернула снимок лицом вниз и задвинула ящик.

Теперь она стояла у панорамного окна, почти касаясь лбом стекла, и смотрела в трейдинговый зал.

Там шла беззвучная война.

Сквозь стеклянную стену ей было видно всё: терминалы, мониторы, искажённые лица. Трейдеры в расстёгнутых рубашках метались между столами. Они кричали, она видела открытые рты, вздутые вены, но стекло съедало звуки. Только пол дрожал от топота и гудящих принтеров.

Эвелин перевела взгляд на табло.

Золото. Фьючерсы. GC-F.

Цифры падали, как ртутный столб в вакууме. Минус восемь. Минус двенадцать. Минус девятнадцать процентов за шесть минут. Рынок не обваливается сам, его обваливают. Кто-то играл на понижение с такой яростью, что весь сектор пошёл вразнос.

Она заставила себя замереть.

Паника — это дорого. Главное, понять, найти закономерность. Вот ордер на продажу, ещё один, каскад. Слишком быстро, слишком точно. Так бьют наверняка.

Знакомый почерк.

В груди шевельнулся холод узнавания. Она уже видела эту манеру: агрессивную, с короткими позициями в самый неудобный момент. Так действовал только один человек. Тот, кого она учила. Тот, кому отдала ключи от всех дверей. Тот, кто только что смотрел на неё с перевёрнутой фотографии.

Её пальцы сжались в кулак.

На столе лежал античный слиток, единственная вещь, неподвластная биржевым сводкам. Римское золото, тёплое, ноздреватое, с едва читаемым профилем императора. Оно не исчезнет с экрана, не обнулится.

Телефон завибрировал без звука, лишь красный огонёк и жужжание по полированному дереву. Она не обернулась. Знала, кто звонит. Знала, что он скажет. Даже интонацию помнила — ту самую, с которой он пятнадцать лет назад,

мальчишка из трущоб, впервые сказал: «Я понял. Я смогу».

Она не взяла трубку.

Табло показало новый минимум. Внутри, под слоем ледяного спокойствия, поднялось что-то обжигающее. Её переиграли. Впервые в жизни.

Дождь за стеклом всё висел. Пол дрожал чаще. Где-то под рёбрами проснулась тупая пульсация, будто сердце вспомнило, что оно не золотое.

Она отвернулась от окна. Стеклянная дверь ушла в паз с глухим толчком. Замок защёлкнулся беззвучно, но дрожь отдалась в пальцах.

Эвелин опустила жалюзи. Металлические ламели легли одна на другую, отсекая зал, табло, панику. Мир снаружи исчез. Остался кабинет: стекло, сталь, дерево и золото на столе.

Она повернулась.

Слиток лежал в центре столешницы, без подставки и бархата. Неровный брусок, хранивший форму древней глиняной формы. Приглушённый свет ложился на него полосами, и металл отвечал глубоким, почти подкожным свечением.

Она подошла. Каблук утонул в ковре, звук пропал, и эта тишина показалась оглушительной. Пол больше не вибрировал. Даже дождь за окном замер.

Грудь сдавило.

Сперва просто неудобство под левой лопаткой, будто туда засунули что-то холодное. Затем холод превратился в давление, давление в жжение, и жжение поползло к локтю, к запя-

стью, к мизинцу. Она знала этот маршрут. Так идёт инфаркт.
«Не сейчас. Ты не умрёшь на дешёвом ковре, как клерк.
Не умрёшь, пока рынок открыт».

Она протянула руку. Пальцы сомкнулись на слитке, и боль отступила на полшага. Металл был тёплым, не от лампы, он лежал вдали от окна, но хранил тепло, будто чьё-то тело. Запах слабый, железистый, с оттенком старой меди и сухой земли. Одна грань оказалась острее других и впилась в ладонь.

Аи. Семьдесят девятый элемент. Не горит, не гниёт, не предаёт.

В висках застучало. Она поднесла слиток к лицу. В мутной поверхности угадывался её собственный глаз: зрачок расширен, белок красноватый. Отражение дрожало, и она не сразу поняла, что дрожит не картинка, а её рука. Или сам слиток пульсирует в такт пульсу. Она уже не различала, где металл, а где плоть.

— GC-F, — прошептала она.

Губы двигались беззвучно, но она чувствовала вибрацию гортанью, ключицами, пальцами, сжимавшими золото. Последняя молитва.

Боль вернулась ударом. Челюсть свело, левая рука онемела. Правой она прижимала слиток к солнечному сплетению, туда, где жгло сильнее всего. Золото казалось горячим. Или она остывала, а металл оставался живым.

Колени подогнулись. Она опустилась, не упала, а именно

опустилась, контролируемо, как в храме, и прижалась лбом к столу. Слиток был зажат между ладонью и грудью и пульсировал вместо сердца.

Дождь за окном сорвался и полетел вниз, но она уже не видела. Тьма под веками стала плотной, тесной. Последним, что пронеслось в сознании, было странное ощущение: золото наконец ответило на пожатие.

Мир исчез. Сердце остановилось, она поняла это по отсутствию. Тишина стала глубже. Пульс, который она ощущала всю жизнь в висках и запястьях, смолк.

Осталось только золото. Твёрдое. Вечное.

Она потянулась к нему мыслью, волей, последним импульсом без названия.

Не молитва, сделка. Не бегство, расчёт. Перетечь в единственный сосуд, который не предаст.

И она перетекла внутрь, в сжатие, в плотность.

Тьма сомкнулась и разомкнулась снова, но иначе.

Тела не было. Только давление, всестороннее, плотное. Она была окружена металлом, спелёнута им.

Темнота. Тепло. Тишина.

И в тишине далёкий отголосок: «GC-F...», как пластинка на последней дорожке.

Жива или мертва, она не поняла. Секунда или столетие, не различила.

Она знала только одно: она здесь. Она внутри.

Слиток принял её.

Глава 2

Холод разбудил Егора раньше света.

Серый рассвет сочился сквозь щели в стенке контейнера. Егор лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к дыханию остальных. Рядом, на куче тряпья, спал Жека, дышал ровно, с присвистом. Ещё двое пацанов, Мелкий и Рыло, свернулись в углу под одним драным одеялом. Из рта шёл пар.

Егор осторожно сел. Тело ныло: ночью он спал на боку, на голом железе, поджав под себя старую куртку. Пальцы на ногах онемели. Растёр их через дырявые носки, покосился на Жеку. Тот не шевелился.

В углу, под перевёрнутым ящиком, у Егора был тайник. Вчерашняя добыча: горсть алюминиевых крышек, десятка два. Мелочь, но на полбуханки хватит.

Потянулся к ящику и замер.

Крышек не было.

— Проснулся, — раздалось сзади. Голос у Жеки был хриплый, довольный.

Егор обернулся. Жека сидел на тряпье и скалился. В руке, та самая горсть крышек.

— Ты чё по ночам шмонаешь, — сказал Егор. Голос дрогнул. Хотел, чтобы вышло жёстко, вышло жалобно.

— А ты чё по ночам прячешь, — лениво ответил Жека.
— Ты ж в моём контейнере спишь, Коготь. За аренду.

Пересчитал крышки на ладони, демонстративно. Сунул руку под тряпье и вытащил обгрызок чёрствой булки.

— На. Жри. Премия за труды.

Булка шлёпнулась на железный пол.

Егор смотрел на неё. Смотрел на Жеку. Тот ждал. За его спиной Мелкий и Рыло уже проснулись, наблюдали молча, не вмешивались. Смотрели, что сделает Коготь.

Нагнулся. Поднял булку. Оттряхнул от железной крошки.

— Вот и славно, — сказал Жека. — Не ссы, сегодня ещё принесёшь.

Егор откусил. Жевал медленно, не чувствуя вкуса. В животе было пусто, но злость заполняла эту пустоту быстрее, чем хлеб.

Думал о том, что Жека сильнее. Что бить в ответ, дурость. Что пока надо терпеть.

Но ещё он думал о «медицинке».

Туда старшие почти не совались, боялись заражения, игл, химии. Егор не боялся. Тошнило, да, но не боялся. Если найти что-то ценное, настоящее, не алюминий, можно сдать не Жеке, а сразу барыге. И тогда уже не «за аренду». Тогда своё.

Доел булку. Вытер рукавом рот.

— Пойду, — сказал ровно.

— Давай-давай, — отозвался Жека, уже теряя интерес. — Тащи.

Вылез из контейнера наружу. Мелкий дождь ударил в лицо. Где-то за кучами мусора тлел костёр, дым стелился низ-

ко, мешаясь с туманом. Пахло гарью, гнилью и чем-то сладковатым, так пахла «медицинка» даже издалека.

Постоял, привыкая к холоду. Язык нащупал пустую лунку в десне. Сплюнул под ноги и пошёл к дальнему сектору. У него не было еды. У него не было силы. Но была злость, холодная, как рассвет.

Медицинский сектор начинался за ржавым остовом сгоревшего грузовика. Здесь пахло иначе, хлоркой, карболкой, сладковатой гнилью, от которой першило в горле.

Егор перешагнул через битую ампулу. Стекло хрустнуло под кедом. «Осторожнее», мелькнуло в голове. Натянул на руки тряпки, две старые футболки, найденные по дороге, обмотал ладони до запястий. Не защита, но хоть что-то.

Мешки лежали кучей, сваленной с самосвала. Жёлтые, с красными бирками «Класс Б». Егор знал: в таких хирургия, стоматология, процедуры. Самое жирное. Самое опасное.

Присел на корточки. «Дыши ртом. Не вдыхай носом», приказал себе. Мелкий дождь барабанил по пластику, стекал по лицу, смывал запах с верхней губы.

Первый мешок. Разорвал. Бинты, бурые, слипшиеся в ком. Отбросил.

Второй. Пластиковые лотки, пара пинцетов, ржавые. Не ценятся.

Третий. Шприцы. Много. Осторожно, двумя пальцами, отодвинул их в сторону. Игла вошла в тряпку, но не достала до кожи. Пронесло.

Азарт подстёгивал. Как всегда на «медицинке»: брезгливость отступала, когда внутри включался охотник. Где-то здесь есть металл. Должен быть. Всегда есть. Плохо лежит, неучтённый, списанный.

Запустил руку глубже. Пальцы прошли сквозь слой мокрой ваты, наткнулись на что-то твёрдое. Алюминиевый лоток. Вытащил, пустой. Отбросил.

Ещё глубже. Ещё один мешок. Этот был перевязан узлом. Пришлось рвать зубами: тряпки на руках мешали. Узел поддался с треском.

Внутри бумага. Вощёная, плотная, не промокшая. Свёрток. Маленький, с пол-ладони. Взвесил в руке. Тяжёлый. Не алюминий.

Развернул бумагу осторожно, как фантик от конфеты, которую нельзя уронить в грязь. Внутри, на белой марлевой подкладке, лежал зубной мост.

Три зуба на золотой пластине. Настоящее золото, не напыление, не латунь. Тёплого отлива, матовый блеск даже в сером свете дождливого утра.

Егор замер. Сердце стукнуло сильнее. Оглянулся: никого. Свалки, кроме дождя и дыма, не было.

Провёл большим пальцем по золотой дуге. Гладкая. Тяжёленькая. Граммов пять, а то и семь. Если сдать барыге...

Сглотнул слюну, смешанную с привкусом хлорки. Не здесь. Не сейчас. Быстро, почти не дыша, завернул мост обратно в бумагу, сунул за пазуху, под толстовку, поближе к

телу. Подальше от Жеки. Подальше от всех.

Встал. Ноги затекли. Дождь усилился. Пора уходить.

Отошёл за остов грузовика, где не так воняло, и сел на корточки. Здесь было тихо, только капли стучали по ржавому железу. Вытащил свёрток из-за пазухи. Развернул. Золотой мост лежал на мокрой бумаге и смотрел на него тремя мёртвыми зубами.

Потёр золото большим пальцем. Грязь сошла, и металл засветился глубже, не блестел, а именно светился изнутри, как уголёк. Проба видна: девятьсот шестнадцатая. Егор такие уже находил, но мелочь, коронки, обломки. А тут целый мост. Хороший.

Взвесил находку на ладони. Граммов шесть. Может, семь. Если сдать барыге по нормальной цене, хватит на неделю еды. А если поторговаться, на две.

Но барыга обманет. Всегда обманывает. Скажет, пять граммов, а не семь. Или проба не та. Или просто отнимет: «ты мне ещё должен, пацан». И пойди докажи.

Показать Жеке? Отберёт и спасибо не скажет. Скажет, плата за место, и будешь рад, что не побил.

Покрутил мост в пальцах. Пластина гнутая, под челюсть. Штырьки: один обломан, один погнут, один целый, ровный, острый. Потрогал целый штырёк. Крепкий.

Язык привычно ткнулся в дырку в десне. Полгода назад выбили. Жека и выбил, за то, что Егор огрызнулся. Бил по лицу, пока кровь не пошла. Зуб вылетел, и с тех пор дырка

ныла на холоде. Егор привык. Но иногда, когда жевал, язык сам туда лез, как будто искал, не вырос ли новый.

Поднёс мост ко рту. Примерил. Холодный металл коснулся десны.

Штырёк вошёл в лунку почти идеально. С тихим стуком. Золотая пластина легла на челюсть, как будто её всегда там не хватало. Замер с открытым ртом. Прикусил. Держится. Не шатается.

Кончик языка онемел. Не сразу, а спустя пару секунд, будто прижгли. Егор провёл по нему пальцем: кожа чувствовала прикосновение, но сам язык, ничего. Ни тепла, ни холода. Только золото у десны осталось тёплым.

И вдруг покалывание. Не от холода. Холод был снаружи, от дождя. А это изнутри. Из десны, из челюсти, вверх, к виску. Как будто что-то коснулось его, острое, ледяное, живое.

Вздрогнул. Хотел вытащить мост, но рука не поднялась. Покалывание прошло по всей челюсти и затихло. Остался только холод. И тишина. Даже дождь будто стал тише.

Провёл языком по золоту. Металл нагрелся. Или это десна нагрелась. Пальцы, которыми он держал мост, дрожали, но не от холода. От чего-то другого.

Сжал челюсть. Золото сидело крепко. Чужое, но своё.

Он не знал, почему так сделал. Просто подвернулось. Просто дырка болела. Просто золото, оно дорогое, во рту надёжнее, чем в тайнике. Никто не найдёт. Никто не отнимет.

Сплюнул на землю, слюна с привкусом металла. Встал. Го-

лова кружилась слегка, но это, наверное, от голода. Или от запаха «медицинки». Или нет. Не стал думать. Думать было некогда.

Смеркалось. Свалка меняла цвет: горы мусора из серых становились чёрными, и только в низинах, где жгли костры, дрожали оранжевые пятна. Шёл быстро, пригибая голову от ветра. Грязь хлюпала под кедами. Пахло гарью, мокрой золой и чем-то кислым.

Золото сидело во рту плотно. Он всё время трогал его языком, не специально, само получалось. Холод из металла ушёл. Теперь зуб был тёплый. И этот холод перебрался куда-то глубже, в челюсть, в висок. Не больно. Странно.

Надо решить, куда прятать. В тайник под ящиком, найдёт Жека. В карман, выпадет. Во рту надёжнее. Но если кто заметит, спросят. Особенно если блеснёт. Провёл языком по золотой пластине. Ничего. Не блестит. Язык шершавый, золото гладкое.

Навстречу попалась тележка. Двое мужиков везли битый кирпич. Один глянул на Егора, сплюнул. Егор прошёл мимо, не поднимая глаз. Но перед тем как отвести взгляд, заметил: кирпичей на тележке тридцать четыре. Он не считал. Цифра просто встала перед глазами, как строка в терминале. Егор споткнулся, выругался про себя и пошёл дальше.

Потом увидел Зойку.

Она шла от колонки с ведром. Вода плескала через край. Светлые патлы торчали из-под платка. За левую щёку держа-

лась тень, тот самый ожог, который она прятала, но не очень. Зойка посмотрела на Егора. Просто посмотрела. Дольше, чем обычно. Как будто заметила что-то.

И вдруг улыбнулась. Коротко, одними губами, устало, но без страха. Будто знала про золото. Будто вообще всё про него знала.

— Носи, — сказала она тихо, почти беззвучно, и перехватила ведро замёрзшими красными пальцами.

Егор замер. Но Зойка уже прошла мимо. Только брякнула ведром, и вода плеснула через край.

Одновременно с этим золото во рту дёрнулось, не к ней, а от неё. Как живое. Его передёрнуло. Он прибавил шаг.

Она не окликнула. Воду она носила в свою общину, к больным. Странная. Возится со слабыми. А толку? Сдохнут, другие придут.

Почти дошёл до контейнера, когда остановился. Прислушался. Внутри что-то гудело. Не снаружи, внутри него. В челюсти. В голове. Снова провёл языком по золоту. Покалывание вернулось. И оно было ритмичным. Как пульс. Тук-тук. Тук-тук.

Прижал палец к запястью. Тук. Не совпадает. Его сердце билось быстрее. А это медленно, ровно, жёстко. Чужое.

Надо бы испугаться. Но страха не было. Только холод, и с ним странное, неиспытанное чувство: будто кто-то рядом, кто больше не даст в обиду.

Замер. Перед глазами ничего не было. А потом вспышка.

Короткая. Как разряд. Синие глаза. Холодные. Не его, он таких никогда не видел. Они смотрели прямо в него. И пропали. Вместо них падающие цифры. Столбцы. Стрелка вниз. График, как на экране, только без экрана. В голове.

Моргнул. Изображение исчезло. Остался только пульс в челюсти и холод в виске.

Стоял, не дыша. Золото во рту молчало. Но он знал: это не просто зуб. Что-то там было. И оно проснулось.

Где-то далеко, на краю свалки, за горами мусора, раздался короткий звон, как от удара по рельсу. Егор прижал ладонь к челюсти. Звон стих. Но не исчез, затаился. Что-то отозвалось на пульс золота. Что-то, что ждало две тысячи лет.

Глава 3

Егор бежал. Рванный кед скользил по мокрому бетону, сердце колотилось где-то в горле. Он не помнил, как вырвался из контейнера. Помнил только хруст, свой собственный зуб, выбитый сапогом Жеки. Помнил вкус крови на губах, солёный и горячий. Помнил лицо Жеки, спокойное, даже скучающее, когда тот бил его, не со злостью, а так, как отшвыривают надоевшую собаку.

Теперь он нёсся через пустырь, подальше от полигона. Ноги сами вынесли его к старой котельной, бетонной коробке с провалившейся крышей и чёрными глазницами окон. Забрался внутрь и забился в угол, прижав колени к груди. Здесь воняло мочой, ржавчиной и старым машинным маслом, но здесь было тихо. И Жека сюда не совался.

Егор обхватил голову руками. Перед глазами всё ещё стояло лицо Жеки, и внутри дрожала мелкая, унижительная дрожь. Зуб, тот самый, что Жека выбил когда-то, его лунка пульсировала болью.

А потом он вспомнил. Золотой мост. Он же нашёл его. В медицинских отходах. Тяжёлый, тёплый. И вставил в пустую лунку, просто так, от безысходности, от глупой надежды, что золото во рту сделает его хоть немного значимее. Язык привычно ткнулся в металл.

Тьма. Не просто отсутствие света, а давление. Плотное,

всестороннее. Она была залита в форму, которая на размер меньше. Тепло и влажность пронизывали её, и сквозь них пробивался чужой, ритмичный стук.

Тук. Тук. Тук.

Пульс. Не её.

Мысль о себе пришла не сразу. Сначала было только это биение, проходящее сквозь каждую частицу того, чем она стала. Затем слово. «Я». Затем вопрос: «Где я?»

Она попыталась открыть глаза, вдохнуть, пошевелиться. Ничего не было. Ни глаз, ни лёгких, ни тела. Только жажда, давление и этот бесконечный пульс. Паника поднялась волной, но разбилась о внутренний приказ. Эвелин Кросс не поддаётся панике. Даже теперь. Даже здесь.

Она заставила себя думать. Смерть. Она помнила смерть. Кабинет, табло с падающими цифрами, Виктор, слиток в руке, последний приказ: «В тебя». И темнота.

Теперь она внутри слитка. Но слиток изменился, он выгнут, расплюснен, повторяет чью-то анатомию. Касается чего-то мягкого, влажного, живого.

Рот. Она во рту.

Первой попыткой заговорить она вытолкнула символы: тикер, цифры, красную стрелку вниз. В ответ лишь спазм страха. Мальчик не понял. Её язык не был его языком.

Тогда она перешла на его уровень. Голод, тупая, ноющая пустота в его животе, был самым простым. Она приглушила его, наложив воспоминание о холодных устрицах

и вкусе металла на губах. Мальчик перестал думать о еде. Холод, его заочевенные пальцы, она согрела теплом, сохранным в кристаллической решётке за две тысячи лет. Он перестал дрожать. Страх, самый сложный, многолетний, вбитый в каждую мышцу, она начала переписывать в злость. Он перестал втягивать голову в плечи.

Она чувствовала, как он замер, прислушиваясь к себе. Его сознание, мутное и голодное, сфокусировалось внутрь.

— Кто ты? — прозвучала мыслеформа, полная изумления.

Вместо ответа она послала в точку касания золота с десной слабый, чёткий импульс тепла. Присутствие. Я здесь.

Он не выплюнул золото. Контакт висел на волоске.

Она ждала. Пусть привыкнет. Пусть убедится, что тепло не угроза.

И только когда его дыхание выровнялось, она вложила в импульс имя. Не «Коготь». То, которое дали до того, как он стал никем.

— Егор.

Он дёрнулся как от удара. Челюсть сжалась, язык упёрся в золото, готовясь вытолкнуть его. Ужас. Он не ожидал, что она знает. Этого имени не произносил никто с тех пор, как мать отвела взгляд на вокзале.

Шок был таким сильным, что он перестал замечать происходящее вокруг. А зря.

— Эй, Коготь! Ты чё, оглох?

Голос был скрипучим, полным ленивого презрения. Хорёк. Один из шакалов Жеки. Он возник из-за ржавого контейнера вместе с другим пацаном, которого называли Гвоздь. Егор вздрогнул. Сердце, только начавшее замедляться, снова пустилось вскачь. Он был так поглощён голосом в голове, что забыл главное правило свалки: никогда не терять бдительности.

— Жека велел узнать, чё ты там в «медицинке» нашёл, — Хорёк прищурился, обходя Егора по дуге. — Он слышал, ты оттуда какой-то металл унёс. Говорят, золото.

В тусклом свете фонаря блеснула монтировка в руке Гвоздя. Хорёк подходил ближе, и Егор чувствовал запах грязной одежды и дешёвого табака. Воздух стал вязким, пропитанным угрозой. Каждый мускул в теле Егора напрягся до предела. Инстинкт кричал: «Беги!» Но внутренний голос, тот, что был старше и холоднее, приказал замереть.

Эвелин ощутила выброс адреналина. Пульс носителя подскочил до ста двадцати. Челюсть сжалась. Язык упёрся в золотой мост. Он собирался бежать или врать, и то и другое было бы фатально. Бегство означало бы признание. Ложь, сказанная дрожащим голосом, была бы слишком очевидной.

— Спокойно, — её голос разрезал панику, как скальпель. — Ты не жертва. Ты актив. Дорогой актив. А они просто помехи. Ответь им. Ровно. Холодно. Без страха.

Егор сглотнул. Ровно. Холодно. Он ещё не знал, как это, говорить без страха, когда внутри всё дрожит. Но она знала.

И он послушался.

— Пусто там, — произнёс он, и собственный голос показался ему чужим. — Один мусор. Иглы, бинты. Хочешь, сам проверь.

Он смотрел Хорьку прямо в глаза. Не вызывающе, а спокойно, без тени страха. Так, как смотрела она. Хорёк опешил. Гвоздь переглянулся с ним.

— Чё ты сказал? — переспросил Хорёк, и его голос дрогнул. Он не ожидал такого отпора от вечно затравленного Когтя. Эвелин почувствовала, как его гнев сменяется неуверенностью, а страх перед Жекой, который послал его сюда, начинает перевешивать желание выслужиться. — Ладно, Коготь. Мы ещё вернёмся, — буркнул он и, подтолкнув Гвоздя, исчез за контейнерами.

Егор медленно выдохнул. Он не бежал, не врал, не умолял. Просто сказал правду, и они ушли. Это было нечто новое. Нечто, что работало.

Эвелин молчала, но он чувствовал исходящий от неё холод, не враждебный, а утвердительный. Урок был преподан. Теперь он знал, что её советы не просто слова. Это инструмент. Оружие.

Он вернулся в своё убежище, бетонную нору в развалинах старой котельной. Здесь было темно, но темнота больше не казалась враждебной. Он сел, привалившись спиной к холодной стене, и прислушался. Тишина. Только капли где-то глубоко в подвале. Только ветер снаружи, перебирающий

ржавые листы железа. И холод. Её холод. Он стал почти привычным.

Теперь обещание. Она взяла его злость, голод, унижение и сплавила в один импульс. Сжала в тиски. А потом показала обратное: силу, сытость, спину, которая не гнётся. Видение было коротким, как вспышка молнии, но Егор успел увидеть себя, не затравленного, не голодного, а стоящего во весь рост. Грязного, но несломленного. С золотом во рту, которое больше не было проклятием, а стало короной.

И вместе с этим видением пришло тепло, не её, а его собственное. Он почувствовал, как расправляются плечи, как перестаёт ныть пустой живот, как исчезает дрожь в пальцах. На секунду он забыл, что сидит в бетонной норе. На секунду он был не Когтем. Он был Егором.

А потом пришло другое. Женщина. Та самая. Она стояла у окна, за которым горели огни, слишком яркие, слишком высокие, нездешние. Её глаза были синими, как лёд. В них не было ничего человеческого. Только расчёт. Только власть. И этот холод ударил его сильнее, чем ветер с пустыря. Егор понял: она не добрая. Она опасная. Но она обещает силу. И она знает, о чём говорит.

Видение исчезло. Остался только холод. И голос.

— Я могу сделать тебя сильным. Ты перестанешь быть презируемым.

Пауза. Он не дышал.

— Я помогу тебе победить их. Всех, кто тебя бил. Всех,

кто тебя бросил. Ты больше не один.

Холод её голоса обжигал, но в нём звучала странная, невозможная нежность, не человеческая, а та, что бывает у стали, которая не предаст. Страх боролся в нём с голодом. Она ждала, не давя. Медленный, длинный выдох. Пар изо рта. Сердце замедлилось. Челюсть расслабилась. Он не ответил. Просто стоял и смотрел в темноту, и в его голове крутились два слова, «Егор» и «сильным», и они не уходили.

Сделка не заключена. Но предложение сделано. Он услышал. Он понял. Он остался.

И она знала: он скажет «да». Не сегодня. Но скоро. Потому что он был таким же, как она когда-то. Одиноким. Брошенным. Готовым на всё ради шанса.

А она была готова ему этот шанс дать.

Глава 4

Егор не чувствовал пальцев. Они просто перестали существовать, будто холод сожрал их, а вместе с ними и надежду найти хоть что-то ценное до темноты. Он сидел на корточках у груды металлолома уже битый час: списанные трубы, мятые остовы, ржавое железо. Утро выдалось паршивым: с неба сыпалась ледяная крупа, ветер задувал за шиворот, и каждый вдох отдавался болью в пустом желудке.

Перебирал руками мусор. Крышки, гнилые доски, осколки стекла, ничего. Заставлял себя дышать медленно, но голод скручивал живот всё туже. Если ничего не найти, вечером придётся возвращаться к Жеке с пустыми руками. Жека спросит: «Где металл?» И Егор не сможет ответить. Он помнил, чем это кончается: сапогом в живот и булкой, брошенной на пол.

Когда надежда почти иссякла, Егор дёрнул очередную трубу. Та не поддалась, зацепилась за что-то. Наклонившись, он разгрёб сверху консервные банки и замер. На него смотрел насос. Ручной, для воды. Чугунное основание, рычаг. Ржавый, но целый.

Качнул рычаг. Тот поддался с металлическим скрипом. Внутри зашипел воздух. Живой.

Сердце стукнуло сильнее. В голове уже зазвенели монеты. Прикинул в уме: за чугун дадут рублей сорок. Неделя еды.

Можно будет купить хлеб. Наестся до отвала. Он уже видел это: тёплый мякиш, хрустящая корка. Слюна наполнила рот. Впервые за несколько дней ему показалось, что удача на его стороне.

На секунду ему показалось, что он чувствует запах тёплого хлеба, не здесь, не на свалке, а там, у ларька, куда он мог бы пойти сразу после барыги. Запах был таким сильным, что перебил даже вонь «медицинки». Желудок сжался. Он сглотнул пустую слюну.

И тут внутри кольнуло.

Не боль, сигнал. Холодный, собранный. Голос. Теперь он узнавал его сразу. Не просто холод, а её холод. Он уже отличал его от обычного озноба.

— Не продавай.

Егор замер. Язык привычно ткнулся в золотой зуб. Голос звучал не снаружи, а внутри, под челюстью, в виске. Без интонаций, без эмоций. Как льдина.

— Это актив. Сдавай в аренду.

— Чего? — сказал Егор вслух, хотя мог просто подумать. Он ещё не привык говорить с ней молча.

— Продашь раз, получишь один раз. Сдашь каждый день, получишь каждый день.

Он не знал такого слова, «аренда». Но понял. Насос качает воду. На свалке вода далеко: колонка в километре, и к ней вечно очередь. Бабы с ведрами ходят, пацаны носят за деньги.

Но это же долго. Деньги нужны сегодня. Живот скрутило от голода. Хотел возразить. Хотел продать и забыть. Затариться хлебом до отвала, как он делал всегда. Но голос не давал. Он висел в голове, холодный и уверенный, и Егор никак не мог от него отмахнуться.

— Быстрые деньги — слабые деньги, — добавил голос. — Сделай так, чтобы насос работал на тебя.

Егор смотрел на чугунную тяжесть. Он уже видел в уме, как тащит его к барыге, получает мятые бумажки и наедается до отвала. Это было просто. Понятно. Но голос звучал уверенно. Так же, как в тот раз, когда обещал ему силу и сытость. И страх перед Жекой исчез. Может, и здесь не обманет.

Вздыхнул и поднял насос. Тяжёлый. В голове уже крутилось: завтра с утра пойти к пацанам и сказать: воду качаю, пятак за ведро. Если получится, будет с чем идти, а не с пустыми руками.

Насос оттягивал руки, чугунное основание било по коленям на каждом шагу. Ветер швырял в лицо ледяную крупу, и Егор почти ничего не видел. Представлял, как придёт к мужикам, и те поднимут его на смех. «Аренда? Ты где таких слов нахватался?» Может, стоило пойти к Губе? Продать, получить деньги и забыть. Но внутренний холод напоминал своё. Сжимал челюсть и шёл дальше, к частному сектору, где всегда кто-то крутился: шабашники, строители, мужики с тележками.

Дядю Мишу увидел издалека. Тот сидел на перевёрнутом ящике у стройки и курил, глядя на ржавое ведро. Ветер донёс запах дешёвого табака, резкий, но почти уютный.

— Чё, Коготь, железо таскаешь? — хмыкнул дядя Миша.

— Насос, — сказал Егор. — В аренду.

Мужик удивлённо поднял бровь, потом заржал, не зло, но громко.

— В аренду? Ты где таких слов нахватался? Арен-да... Ишь ты, деловой. Ну давай, почём твой бизнес? Сорок дам. Хорошая цена.

Внутри кольнуло. «Назови цену выше», — шепнул голос.

— Не продаю, — сказал Егор, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сдаю. Тридцать в день.

Дядя Миша перестал смеяться. Смотрел на Егора не зло, но оценивающе. Ждал, дрогнет ли. Егор чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. В висках стучало. Но он не отвёл взгляд.

«Стой на своём», — прошелестел холод.

— Двадцать пять, — сказал Егор и сам удивился, как жёстко это прозвучало.

Мужик крикнул и полез в карман.

Сбоку, у ржавого остова, торчал пацан лет десяти, босой, с ведром. Смотрел молча, как Егор берёт деньги. Егор заметил его краем глаза, но не повернулся.

Дядя Миша протянул мятые купюры. Пальцы Егора дрогнули, когда он брал деньги, не от холода, а от напряжения,

которое наконец отпустило. Сжал бумажки в кулаке и почувствовал не просто тяжесть в ладони, а вес, странную, новую тяжесть якоря, словно он наконец-то за что-то зацепился в этом мире. Дядя Миша качнул рычаг, механизм дёрнулся, зашипел воздухом, поршень ходил свободно. «Работает», — кивнул он.

Егор развернулся и пошёл прочь. Пальцы всё ещё дрожали. Он только что продал воздух. И получил за него деньги. В голове звенела пустота, там, где только что был голос.

Утро следующего дня выдалось тихим и ясным. Дождь прекратился. Егор шёл к стройке легко, не спеша, перепрыгивая через лужи. Вчера он впервые наелся за чёрт знает сколько времени. Хлеб оказался чёрствым, но это был его хлеб. Купленный на свои деньги. Заработанный не горбом, а головой.

Дядя Миша уже сидел на своём ящике. Увидел Егора, кивнул и молча полез в карман.

— Давай насос. Ещё на день беру.

Протянул две мятые десятки без разговора. Без торга. Без смеха.

Егор взял бумажки. Они были тёплые, нагретые телом мужика. Отдал насос. Всё просто. Как будто так было всегда. Внутри снова шевельнулся холод, и голос произнёс:

— Это называется повторяющийся доход. Ты создал поток.

Егор стоял и смотрел на бумажки в руке. Он мог купить

хлеб или что-то ещё. Мог вообще не тратить, а оставить. Выбор был. Не нужда, выбор. Он не голоден сегодня. Он не должен никому. Насос работал без него.

Вернулся в свой угол за грудой битого кирпича. Бетон под ним был холодный, но сухой. Достал из кармана мятую купюру и две десятки, разложил их открыто на бетоне, маленькую кучку.

Провёл пальцем по краю верхней купюры, расправил загнутый угол, прижал ладонью. Бумага была плотной и чуть шершавой, не то что мятые бумажки, которые он раньше отдавал Жеке.

Сидел и смотрел на них. И впервые в жизни не боялся, что сейчас из-за спины выскочит Жека или кто-то ещё и всё отнимет.

Внутри шевельнулся холод.

— Это твой первый актив, — произнесла Эвелин.

— Я понял, — сказал он одними губами. В челюсти на секунду потеплело, как будто она кивнула. И тут же холод отступил, оставив после себя странное, почти забытое чувство, как будто кто-то погладил по голове.

Он просто сжал деньги в кулаке и почувствовал ту же самую тяжесть якоря, ощущение того, что он наконец-то за что-то зацепился и перестал дрейфовать по ветру. Внутри тепло. Снаружи холод. И впервые за долгое время он не боялся, что это тепло отнимут.

Он не знал слова «уверенность». Но его спина и то, как

спокойно лежала его рука на колене, говорили об этом лучше любых слов.

Он просто был. И этого было достаточно.

За стеной котельной ветер гнал пустую консервную банку. Она катилась с жестяным дребезгом, удаляясь куда-то в темноту. Егор проводил её взглядом, хотя видеть не мог, только слышал.

Пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.